

Рецензии

ХРОНИКИ ИМПЛОЗИВНОГО ПОВОРОТА: КАК ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИНДИВИДУАЛИЗМ РАЗРУШАЮТ ОБЩЕСТВО

Тирания Я: конец общего мира

ЭРИК САДЕН

М.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. – 336 с.

«Место, какое каждая эпоха занимает в историческом процессе, можно определить гораздо точнее, если проанализировать не ее суждения о самой себе, но неприметные явления на ее поверхности», – писал в 1927 году Зигфрид Кракауэр в эссе «Орнамент массы»¹. Подобная разновидность культурной критики, ищущая в повседневности приметы эпохальных трансформаций, приобрела большую популярность в XX веке. Пожалуй, самый знаменитый образец такого жанра – «Мифологии» (1957)

Ролана Барта, в котором различные явления и вещи послевоенной жизни (от моющих средств до киноиндустрии) рассматривались через призму семиотической теории. Предположу, что философ Эрик Саден считает себя принадлежащим к той же традиции. Ближе к середине трехсотстраничного эссе «Тирания Я» он замечает: «Несомненно, для тех, кто умеет улавливать веяния времени, признаки явления нового мира проступают сегодня прежде всего в ряде малозначимых, казалось бы, действий» (с. 187). Переходя от электронных самокатов и дейтинговых приложений к обложкам рэп-альбомов и соцсетям, автор пытается уловить «дух» беспокойной современности.

По мнению Садена, наша эпоха в первую очередь характеризуется гипертрофированным индивидуализмом и распадом социальных связей. Эти взаимосвязанные проблемы обусловлены двумя факторами. С одной стороны, нелиберальные реформы конца XX века, демонтаж государства всеобщего благосостояния и разочарование в электоральных демократиях привели к кризису традиционных форм политического участия и подъему как правого, так и левого популизма во всем мире. С другой стороны, в последние несколько десятков лет стремительно развивались цифровые технологии, все глубже проникавшие в повседневность. Социальные сети, приложения для смартфонов, сервисы доставки и такси – все это призвано сделать нашу жизнь более удобной. Саден отмечает, что главная особенность этих новшеств в том, что они обещают каждому пользователю индивидуализированный подход. Но у этого удобства есть оборотная сторона: мы начи-

¹ КРАКАУЭР З. *Орнамент массы* // Он же. *Орнамент массы. Веймарские эссе*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. С. 41.

наем верить, будто способны существовать абсолютно автономно, сведя к минимуму взаимодействие с другими людьми. Если заказать продукты или назначить свидание можно за пару кликов, то нет необходимости договариваться, идти на компромиссы и учитывать чужие интересы, ведь выбор услуг потенциально безграничен. В свою очередь социальные сети, которые Саден называет «технологиями воспламенения умов», тоже укрепляют нашу веру в собственную исключительность и независимость, давая возможность высказать свою точку зрения по любому поводу и незамедлительно получить порцию социального одобрения. Здесь, указывает автор, и начинаются политические проблемы. Сталкиваясь с растущим неравенством и теряя контроль над отдельными аспектами своей жизни, мы пытаемся решить эту проблему на индивидуальном, а не коллективном уровне. Как нельзя кстати оказываются цифровые технологии, которые, как считает Саден, идеально подходят для того, чтобы канализировать гнев частных лиц – например, вместо того, чтобы объединяться с коллегами и требовать улучшения условий труда, как сделали бы профсоюзные активисты в XX веке, мы пишем возмущенные твиты, тем самым подменяя реальное политическое действие символическим.

В первой главе эссе Саден совершает небольшой исторический экскурс. По его мнению, технологический процесс радикально изменил нашу жизнь, но сама траектория изменений была задана задолго до появления персональных компьютеров и интернета. Все началось с Джона Локка, который во «Втором трактате о правлении» (1689) сформулировал «теорию индивида в обществе», лежащую в основе либерального индивидуализма. С самого начала индивидуализм «одновременно защищал и поддерживал равенство де-юре и неравенство де-факто. Он подразумевал сохранение наследия, полученного по пра-

ву рождения, и в то же время поощрение частной инициативы – при отказе поддерживать баланс возможностей каждого под предлогом, что общество, в конце концов, сумеет извлечь выгоду из богатства отдельных его членов в соответствии с догмой, которая долго не утратит состоятельность» (с. 49). Саден отмечает, что «процесс индивидуализации» изначально был связан с идеями гуманизма и свободы. Однако начиная с XIX века, то есть периода победного шествия капитализма по Европе, он «перестал отличаться от узаконенной погони за прибылью. Ведь началась все более яростная конкуренция между людьми, а разгул частных интересов, вопиющая несправедливость и унижительные условия труда сделали повсеместной нормой» (с. 50). Вся дальнейшая история западного мира (а о незападных обществах Саден практически не говорит) проходила под знаком либерального индивидуализма. В XX веке отдельные режимы вроде нацистской Германии или Советского Союза пытались бросить ему вызов, но по разным причинам потерпели неудачи. В послевоенный период сформировалось общество потребления, обещавшее быстрое удовлетворение всех потребностей. Когда в 1970-е разразился экономический кризис и правительства начали сокращать расходы на социальную сферу, жители западных стран стали искать спасения от пугающей действительности в мире домашнего комфорта:

«Именно тогда коммуникационные технологии, помимо источника развлечений, стали служить своего рода очистительным клапаном, декомпрессионной камерой по отношению к бремени повседневности, обозначая поворот, который два десятилетия спустя обретет совсем иной масштаб» (с. 78).

Процессы, которые мы наблюдаем сегодня, представляют собой развитие этой тенденции.

Любой исторический нарратив тяготеет к телеологичности, но в эссе Садена это проявляется особенно ярко. Сводя все к истории о торжестве либерального индивидуализма, он либо игнорирует попытки предложить альтернативные политические проекты, либо утверждает, что они изначально были обречены на провал – как, например, в случае с протестными движениями 1960-х:

«Если одни предались тогда активной борьбе, пытаясь добиться, чтобы об их несогласии, наконец, услышали, и выступая за использование других моделей, то другие, и их было большинство, удовлетворились жизнью, в которой главное – обеспечивать собственные потребности и стремиться к довольству собой [...] Пока не поздно, всем хотелось получить сполна от этого мира, который вопреки повседневным трудностям все же дарил столько радости» (с. 64).

Контркультура, расцвет которой в 1970-е во многом стало реакцией на неудачу протестных движений предыдущего десятилетия, также кажется Садену всего лишь очередным порождением все того же либерального индивидуализма. По его мнению, лозунг DIY («сделай сам»), получивший распространение в панк-среде, определяет «новый этос того времени, когда произошел “переход от автономии как чаяния к автономии как условию существования в индустриальном обществе”» (с. 69).

Сложно согласиться с тем, что в случае с панк-культурой призыв «делать самому» свидетельствует о стремлении к индивидуальной автономии – напротив, он появился в ответ на запрос на новые формы низкой самоорганизации и предполагал не разобщенность, как утверждает Саден, а объединение с единомышленниками. Но не будем останавливаться на отдельных спорных моментах, а лучше поговорим о том,

какой эффект на читателя производит сконструированный автором нарратив. Если согласиться с Саденом, что на протяжении последних нескольких сотен лет развитие западных обществ определялось исключительно принципом либерального индивидуализма, а никаких реальных альтернатив ему не было предложено, то возникает вопрос: на какой опыт могут опереться сегодня те, кто, подобно Садену, пытается найти выход из кризиса, порожденного атомизацией? Марк Фишер, хорошо понимавший, какое влияние представление о прошлом оказывает на политическое воображение, однажды заметил:

«Прошлое необходимо постоянно нарративизировать заново, и политический смысл реакционных нарративов состоит в том, чтобы подавлять нереализованный потенциал прошедших эпох, который ждет возможности пробудиться»².

Проблема в том, что Саден как раз предлагает такую картину прошлого, из которой следуют крайне пессимистичные выводы относительно нашего настоящего и будущего.

Это касается не только XX века, но и событий последних десяти лет. В четвертой главе Саден упоминает о протестах на площади Тахрир в Каире в 2011 году, движении «Occupy Wall Street» в США и «желтых жилетах» во Франции. Он признает: все эти явления стали реакцией на экономическое неравенство и политическое угнетение, но считает, что их участники не выработывали никакой конструктивной программы, а вместо этого просто давали выход накопившемуся недовольству. Аналогичные претензии Саден предъявляет движению «Black Lives Matter» и инициативе *MeToo*. В последнем случае его возмущает следующее:

2 Фишер М. *Кислотный коммунизм (недописанное предисловие)* // Неприкосновенный запас. 2020. № 6(134). С. 13–35 (www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/134_nz_6_2020/article/23200/).

«Люди, в основном женщины, не колеблясь, публично изобличают случаи злоупотребления, домогательств, насилия. Все бы ничего, но такой способ действий пренебрегает любыми процедурами, установленными для соблюдения прав каждой из сторон – как и фундаментальным принципом презумпции невиновности, – и в случае, если якобы имело место неподобающее обращение, это становится заведомым основанием, чтобы опередить правосудие и игнорировать конфиденциальность следствия, которое, казалось бы, должно быть защищено от нежелательного давления» (с. 219–218).

Виной тому, конечно, цифровые технологии, которые позволяют «всем [...] без особых усилий публично высказывать свое мнение» (с. 102). Садена совершенно не интересуется, что соцсети стали использоваться для распространения информации о сексуализированных преступлениях ровно потому, что система правосудия, к которой апеллирует автор, продемонстрировала неспособность защитить жертв, особенно если они пострадали от действий богатых и влиятельных людей.

Интернет и социальные сети упростили распространение информации о различных видах неравенства и притеснений. Стали все более отчетливо слышны голоса представителей угнетенных групп, требующих справедливого отношения к себе. Для Садена такие требования крайне проблематичны: вместо того, чтобы думать о благе общества в целом, каждая отдельная группа заботится только о своих частных интересах:

«Такая конфигурация создает рычаг для того, что следовало бы назвать *импловивным поворотом*, то есть наблюдаемым мас-

штабным размежеванием индивидов и коллективного регулирования, – с обильным появлением трещин субъективизма по всему общему фундаменту. [...] Механически истирается фундаментальное начало: *принцип авторитета*. То есть признание за некоторыми институтами прерогативы обеспечивать монолитность политического сообщества, а за многими и многими людьми – специфических полномочий, что позволяет каждому в различных обстоятельствах двигаться дальше при поддержке того, чья квалификация выше» (с. 226).

Саден называет такую ситуацию «авторитарным партикуляризмом»: если в XX веке авторитарные импульсы исходили от государственных институтов, стремившихся подчинить себе жизни людей, то сегодня все перевернулось с ног на голову и уже отдельные индивиды и социальные группы бросают вызов государству и обществу. Он приводит в пример политических активистов, доказывающих, что во французских школах непропорционально много внимания уделяется изучению Холокоста по сравнению с другими преступлениями прошлого, прежде всего колониализмом и рабством³.

Значительная часть эссе Садена посвящена критике того, что обычно называют «политикой идентичности», и в этом отношении он близок многим современным левым. Как отмечают авторы журнала «Historical Materialism», проблема с политикой идентичности в том, что она не только натурализует категории, навязанные доминирующими неолиберальными структурами, но и «фактически разрушает любые основания для массовой антикапиталистической солидарности и сопротивления»⁴. Однако указание на проблематичность

- 3** Примечательно, что, рассуждая об «авторитарном партикуляризме» и о том, как он связан с развитием цифровых технологий, Саден ничего не говорит о современных авторитарных государствах, использующих продвинутые методы слежения для контроля над населением. Самый яркий пример тому – Китай. См.: Кейн Дж. *Государство строгого режима. Внутри китайской цифровой антиутопии*. М.: Индивидуум, 2023.
- 4** KUMAR A., ELLIOT-COOPER A., IYER S., GEBRIAL D. *An Introduction to the Special Issue on Identity Politics // Historical Materialism*. 2018. Vol. 26. № 2. P. 5.

такого подхода не отменяет того факта, что многие группы действительно подвергаются дискриминации по гендерному, этническому, религиозному и различным другим признакам. Любые попытки предложить альтернативу политике идентичности не могут не учитывать этого обстоятельства, но Саден обходит его стороной. Он напрямую не утверждает, что современное западное общество свободно от дискриминации и неравенства, но намекает, что активисты явно преувеличивают масштабы проблем (с. 210, 213).

Не стоит думать, что Саден только и делает, что критикует других – в заключительной части эссе он предлагает выход из той затруднительной ситуации, в которой оказался современный мир. Чтобы побороть атомизацию и недоверие к государственным и общественным институтам, нужно всего лишь:

«[Действовать] исходя из совершенно иной логики – *свидетельствования*. Нужно описывать ситуации, взятые из опыта “на местах”, там, где бич нашего времени дает о себе знать наиболее жестоко: в больницах, на предприятиях, в школах, в бедных домохозяйствах, заброшенных пригородах. Свидетельствовать – значит открывать окружающим глаза на то, что не известно большинству, чего они не видят, ведь все это в силу нарушения элементарных прав, с которыми сталкиваются отдельные граждане или целое сообщество, требует предания огласке. В этом отношении нам следовало бы неизмеримо внимательнее прислушиваться к сообщениям из глубин повседневной жизни, где зачастую можно почерпнуть более содержательный опыт, чем у многочисленных записных экспертов» (с. 321–322).

Такое решение кажется мне неудовлетворительным сразу по нескольким причинам. Начнем с того, что Саден использует крайне расплывчатые формулировки («глубины повседневной жизни», «более содержательный опыт»). Кроме того, не совсем

понятно, чем такая «политика свидетельствования» принципиально отличается, например, от критикуемой им инициативы *MeToo*. Возможно, автор считает, что опыт жертв домогательств менее «содержателен», чем опыт обитателей «бедных домохозяйств»? Но при помощи какого критерия можно вообще оценить «содержательность» чьего-либо опыта? Наконец, нападая на либеральный индивидуализм, Саден остается в рамках либеральной модели публичной сферы и, по сути, призывает всех сесть за стол и спокойно обсудить наболевшее. Но проблему поляризации общества, которую он очерчивает в своем эссе, не решить увещеваниями. Для этого нужно устранить ее политические и социально-экономические причины – институционализированный расизм, неравенство доходов и многие другие факторы, о которых автор говорит лишь вскользь, уделяя основное внимание технологическому развитию.

Со многими замечаниями Садена о пагубном влиянии цифровых технологий на нашу жизнь сложно не согласиться. Но можно ли представить ситуацию, при которой их развитие не будет усиливать и так имеющееся неравенство, а напротив, поспособствует построению более справедливого общества? Из эссе Садена следует, что рассчитывать на это не стоит, так как цифровые технологии заключают в себе некий неистребимый индивидуалистический импульс. Например, ему кажется совершенно ошибочным представление о том, что проект Всемирной сети (также известной как интернет) изначально нес в себе утопический потенциал. Да, «горстка экзальтированных гиков» надеялась, «что через прямое общение на онлайн-форумах удастся ввести новые демократические традиции, начать процесс всеобщего примирения, “электронно-софтовую революцию” в обществе», но «подобную ерунду» нельзя воспринимать всерьез (с. 104). Как пишет Саден, невозможно изменить общество,

ся в кресле и нажимая на клавиши. Но тут автор начинает противоречить сам себе. Если посты в интернете действительно не могут подорвать статус-кво, то его опасения по поводу наступления цифрового «авторитарного партикуляризма» оказываются во многом беспочвенными. Стоит отметить и другое слабое место в аргументации Садена. Он ничего не говорит о многочисленных примерах, когда цифровые технологии использовались активистами для низовой самоорганизации – вспомним хотя бы протесты 2019–2020 годов в Гонконге⁵. Не удивительно, что автор обходит подобные случаи стороной, ведь они демонстрируют, что проблема не столько в технологиях как таковых, сколько в том, кто именно контролирует их.

Саден обвиняет политических активистов в том, что они предпочитают яркие жесты реальным действиям, но ту же претензию можно предъявить и ему самому. Подсвечивая многие проблемы современных западных обществ, он не предлагает никакого внятного решения. Более того, эссе рисует столь мрачную картину прошлого и настоящего, что надежда на какие-либо улучшения кажется наивной. Если Саден задумывал его как политическое высказывание, то единственный эффект, которого оно может добиться, – это погрузить читателей в еще большую апатию и окончательно подорвать их веру в возможность эффективного политического действия. В одном с автором можно согласиться: наше будущее во многом зависит от того, сможем ли мы преодолеть разобщенность и выработать новые формы солидарности. Но в этом деле «Тирания Я» нам точно не поможет.

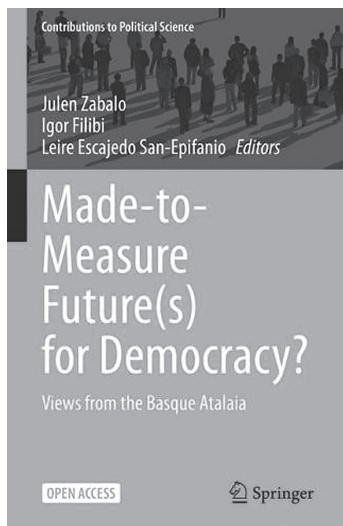
Константин Митрошенков

5 ХАЧАТУРОВ А. Поколение цифрового протеста. Как Telegram поменял правила гражданского сопротивления в Гонконге // Новая газета. 2019. 27 сентября (<https://novayagazeta.ru/articles/2019/09/26/82119-pokolenie-tsifrovogo-protesta>).

Made-to-Measure Future(s) for Democracy? Views from the Basque Atalaia

JULEN ZABALO, IGOR FILIBI, LEIRE ESCAJEDO SAN-EPIFANIO (Eds.)

Cham: Springer, 2023. – 369 p.

Сборник статей «Будущее демократии под заказ? Баскская точка зрения», авторами которого стали ученые из нескольких университетов и научных центров, занимающихся баскскими исследованиями, вышел в серии «Вклад в политическую науку». Возглавила проект исследовательская группа Университета Страны Басков (Universidad del País Vasco / Euskal Herriko Unibertsitatea – UPV/EHU), которая специализируется на проблемах демократии более двадцати лет. На первых же страницах редакторы в чуточку снобистской, как представляется, манере заверяют читателя в том, что баскскому обществу посчастливилось занять крайне выгодную «точку обзора», с которой объективно просматриваются все недостатки западных моделей демократии, а также видны новые и перспективные направления будущего демократического

развития. Отправным пунктом всего исследования можно считать констатацию, согласно которой симптомы ослабления демократии сегодня заметны по всему миру, затрагивая даже страны с давними демократическими традициями. К этому довольно тривиальному наблюдению присовокуплено смелое заявление о том, что «политика всегда должна быть демократической» (р. 18), поскольку на протяжении всей своей истории она нацелена на коллективные действия – будь то урегулирование конфликтов, распределение ресурсов или решение иных общественных проблем.

Как утверждается во введении, нынешняя структура мировой политики не соответствует объективным запросам человечества: ведь глобальные проблемы можно решать только в глобальном измерении – здесь авторы намекают на необходимость учреждения глобального правительства, – а не посредством автономных и самобытных демократических форм, сложившихся в разных странах. В силу сказанного решения глобальных проблем, предлагаемые *nation-states*, не эффективны и анахроничны. При этом, однако, государство вовсе не нужно объявлять «средоточием всех зол», достойным скорейшего упразднения, – напротив, политики и ученые должны признавать его значительный вклад в развитие демократии: института, который и сегодня остается наиболее успешной формой политической организации. Базовая цель всего представленного в книге проекта формулируется именно на таких основаниях: она заключается в поиске возможных вариантов космополитичной модели демократического руководства, избавленной от ограничителей *nation-state*. Этим делом необходимо заниматься прежде всего потому, что нынешняя модель глобального управления из-за своей эксклюзивности и закрытости не позволяет большинству граждан планеты активно участвовать в принятии решений. Впрочем, как подчер-

кивают авторы, сказанное не отменяет относительных успехов тех или иных спорадических экспериментов, направленных на приближение к идеалу космополитичной и инклюзивной демократии; в числе таковых в книге упоминаются проекты формирования глобального гражданского общества, достижения мирового федералистского движения и практика функционирования Европейского союза.

Публикация разбита на четыре концептуальных блока. В первом из них («Общенациональные и глобальные проблемы, вытекающие из неолиберальной попытки “приручить” демократию») анализируется феномен так называемой «одомашненной» (или «прирученной») разновидности демократии. Именно так авторы маркируют неолиберальный вариант, апологеты которого монополюно, по сути, завладели правом судить, что есть истинная демократия, а что таковой не является. Более того, их версия демократии отрицает саму возможность существования альтернативных воззрений. Как утверждается в книге, нынешнюю демократию «приручили», заставляя ее служить исключительно неолиберализму; как следствие – в ней было разрушено самое главное: принцип совместного участия всех граждан в принятии политических решений.

Оценивая подобные тезисы, полезно воспринимать их через призму специфически баскского подхода. Одним из постулатов последнего выступает идеологическое неприятие неолиберализма как ключевой характеристики политического режима, установившегося в Испании после смерти Франсиско Франко и принятия Конституции 1978 года. Вместе с тем, несмотря на предвзятость такого старта, авторам удалось весьма последовательно аргументировать свою точку зрения. В частности, коллектив из Университета Страны Басков критикует неолиберальный демократический проект за его стремление всесторонне

коммерциализировать социальное действие (р. 40). По мнению ученых, в нем экономические частные интересы выходят на первый план и приводят к монетизации всех сфер общественной и частной жизни. Приобщение же к политическому управлению тоже «продается», оказываясь в подчинении у экономических законов конкуренции. Причем подобное случается на уровне как целых стран, так и отдельных городов – об этом пишут Иаго Лекуе и Иманоль Теллера (Университет Страны Басков), рассматривая в своем тексте влияние глобального неолиберализма на города и призывая к коллективному противодействию вредоносному натиску.

Кстати, в этой же части рассматривается еще одна проблема современного демократического этоса: Джон Азкуне, Жюль Гойкозча и Энеко Ромеро (Университет Страны Басков) в своей главе обращают внимание на так называемую «приватизацию демократии» – передачу некоторых функций *nation-states* частным игрокам (корпорациям, лобби, группам интересов). Из-за этого, по их мнению, демократия перестает быть общим делом политического сообщества. Бесспорно, классическим и основополагающим институциональным выражением демократии было и остается государство, суверенитет которого обеспечивает смычку властной системы и представляемого ею населения (р. 83). Но авторы видят острую проблему в том, что постепенно реализация подобного взаимодействия перекладывается на частных лиц, лишая широкие слои социума доступа к демократическим инструментам. Кстати, тезис о том, что без суверенитета демократизация невозможна, созвучен с идеями, которые провозглашаются баскскими националистами – в частности, радикальной левой коалицией «Единство Страны Басков» («EH Bildu»), считающей суверенитет незаменимым инструментом решения ключевых общественных проблем.

Второй раздел («Современные практики гражданственности в масштабах новой западной демократии») посвящен эволюции демократии и ее новым формам, сложившимся в глобальных трансформациях последних лет. Во всех включенных в него текстах отстаивается мысль о кризисе либеральной модели, углубляемом коммуникационной революцией, а также последствиями недавней пандемии. Так, Игорь Кальзада (Кардиффский Университет, Великобритания) представляет собственную концепцию оптимального гражданского участия, реализуемого в гиперсвязанных и виртуализированных постпандемийных сообществах. По его мнению, государственный суверенитет уже не является «таблеткой от всех болезней»: только посредством создания глобального гражданского общества, установления подлинно народной власти, разделения суверенитета между всеми актерами можно преодолеть текущие мировые кризисы и восстановить демократию в ее первоначальном виде. Кризис демократического участия прослеживается не только на уровне государства. Схожие наблюдения делаются Хорди Борха (Открытый Университет Каталонии) и на уровне города. Этот автор считает, что город, именуемый в тексте «пространственным измерением демократии», должен представлять собой важную площадку для реализации демократических принципов в социально-политической сфере (р. 134). Насколько можно понять из статьи, здесь подразумевается возврат к практикам древнегреческих полисов, старавшихся обеспечивать равное участие всех свободных граждан в общественной жизни. Но сегодняшние города, по мнению автора, этой функции не выполняют. Земельные спекуляции, строительные злоупотребления, глобальные финансовые махинации – все это обернулось пространственным неравенством, при котором состоятельные слои населения пользуются благоустроен-

ной и комфортной городской инфраструктурой, а малообеспеченным стратам открыт лишь ограниченный спектр муниципальных услуг. Причем в контексте демократии речь идет не только о жилье, но и доступе к объектам гражданского назначения и участию в коммунальных делах: если у одних все перечисленное есть, то другие в той или иной мере этого лишены.

Третий раздел («Углубление демократии: анализ практических стратегий участия баскского общества») посвящен механизмам участия, сложившимся в Стране Басков. Открывает его глава, в центре которой «право решать» (*derecho a decidir*) – политический лозунг, близкий баскским радикалам. В ней Андер Визан-Аморос, Хулен Забало и Амалур Альварес (Университет Страны Басков) отмечают, что «право решать» выступает следствием одного из императивных принципов международного права, а именно – права народов на самоопределение; причем эта производная появилась в ходе обновления концепта самоопределения, вызванного нарастающим недоверием к институтам неolibеральной демократии. Пытаясь, вероятно, снять возможные обвинения в избыточном радикализме, специалисты отмечают, что квинтэссенцией «право решать» предстает отнюдь не сецессия, а право людей на демократию.

Другими баскскими практиками, рассматриваемыми в этом же разделе, оказываются, в частности, формы молодежной вовлеченности, региональная система социальной поддержки, интеграция мигрантов. Последний из упомянутых сюжетов имеет в баскской автономии особое звучание; ведь, согласно идеям отца баскского национализма Сабино Араны, поддержание «чистоты баскской расы» было и остается неизменным императивом, а мигранты в его свете предстают такими же злейшими врагами, как и испанцы. Однако, как пишут Аркаиц Фульяондо и Горка Морено (Университет Страны Басков), несмотря

на наличие подобной догматики, баскское общество уже давно переживает процессы этнокультурной диверсификации (р. 259), и по этой причине сосредотачиваться надо на выяснении того, какие именно формы демократического участия могли бы помочь мигрантам максимально эффективно адаптироваться в баскском обществе.

В четвертом разделе («Критическое видение эпистемологических методологий, применяемых для исследования современной западной демократии») рассматриваются актуальные методологические подходы, используемые при анализе демократических процессов. Так, Изаро Горостиди и Сезар Мартинес (Университет Страны Басков) останавливаются на форматах взаимодействия местных властей с общественными движениями. Среди прочего их интересует, как университеты – и в особенности факультеты социальных наук – могли бы содействовать продвижению общественных инициатив и укреплению их легитимности. Исследования такого типа, как полагают упомянутые авторы, безусловно, способствуют совершенствованию демократических институтов; с их помощью складывается сеть взаимоотношений, помогающая сплоченности общества и сосуществованию различных идентичностей. Примечательна авторская трактовка термина «участие»: под ним имеется в виду нечто большее, чем элементарное присутствие или вмешательство в процесс, – это мобилизация людей на конкретные действия, а также «сознательное принятие на себя роли активных творцов общего будущего» (р. 348).

В подобном созидательном ключе участие рассматривается и в другом проекте – в совместной работе, выполненной Университетом Страны Басков и муниципальным советом города Витория-Гастейс. Здесь представлен новый методологический подход: исследование проводилось посредством комбинации только что упомянутого

проактивного «участия» и новаторских форм контроля. Модель предполагает тесную коллаборацию ученых и профессионалов-практиков, которые одновременно исследуют происходящие процессы, лично участвуют в них и подвергают их критическому осмыслению. Внедрение описываемой методологии спровоцировало серьезные перемены, поскольку она позволила найти альтернативные критически-рефлексивные способы познания – в противовес устоявшейся позитивистской парадигме социальных наук, делающей акцент сугубо на сборе эмпирического материала. Отсюда происходит и новый способ производства знания, генерируемого посредством сотрудничества равноуровневых участников процесса и не предусматривающего жесткого разделения на «исследователей-теоретиков» и «профессионалов-практиков».

Кризисные моменты, на которых останавливаются авторы рецензируемого сборника, наблюдаются не только в Испании, но и во многих других географических локациях, где практикуется демократия. Не мешая, однако, помнить, что за представленными читателю критическими или даже негативными оценками современных форм неолиберальной демократии стоит специфичность тех сложных взаимоотношений, которые традиционно складывались между баскским обществом и испанским государством. Можно ли считать авторские воззрения объективными? Этот вопрос остается открытым. Но вместе с тем, чем же иным, как не альтернативными методами, следует осмыслять, а возможно, даже и менять, углубляющиеся у нас на глазах общемировые кризисные процессы? Ведь похоже, что надежд на привычные способы остается, увы, все меньше и меньше.

Юлия Фролова, доцент кафедры политологии РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Когда тело говорит «нет»: цена скрытого стресса

ГАБОР МАТЭ

СПб.: Портал, 2021. – 496 с. – 5000 экз.

Эту книгу написал канадский врач, специализирующийся на лечении психологических травм. Будучи медицинским обозревателем солидной и тиражной газеты «The Globe and Mail», он, как и многие современные специалисты-психологи, пытается комбинировать в своем творчестве науку и просвещение, превращая изучение серьезной социальной проблемы – а в книге таковой предстает «его величество стресс», один из знаковых и, как принято считать, все шире распространяющихся недугов современности, – в разновидность развлечения. При этом Матэ вовсе не «колдун из интернета»: он долго работал в качестве семейного доктора, а также был врачом отделения паллиативной помощи в одной из больниц канадского Ванкувера, где лечил наркозависимых пациентов. К настоящему времени совокупные тиражи его книг, переведенных на 25 языков, составляют больше миллиона экземпляров. Главной проблемой, которая его занимает, остается старый, как сама философия, дуализм иде-

ального и материального. В самом начале он пишет:

«Люди всегда интуитивно понимали, что сознание и тело неразделимы. Современность принесла печальное разобщение, раскол между тем, что мы знаем всем своим существом, и тем, что принимает за истину наше сознание» (с. 10).

Очерчивая замысел книги, автор говорит, что ему хотелось бы «поставить зеркало» перед нынешним обществом, которое тысячами неосознаваемых способов усугубляет собственные психологические недуги.

Еще в 1892 году канадец Уильям Ослер выдвинул предположение, что ревматоидный артрит может быть обусловлен стрессом, хотя современная ревматология продолжает пренебрегать этой идеей. Отталкиваясь от этого примера, автор трактует его в качестве знакового: по его мнению, после накопленного медициной многовекового опыта связь эмоций с болезнями не должна вызывать ни малейшего сомнения, ибо наша иммунная система вовсе не изолирована от нашего обыденного существования. Если эта гипотеза верна, то тогда перед учеными неизбежно встает вопрос о механизмах, превращающих стресс в болезнь; собственно говоря, на протяжении столетий к нему обращались как те, кто лечит тело, так и те, кто пользует душу. Забегая вперед, автор почти в самом начале своих рассуждений предлагает собственный ответ на него:

«Подавление – отделение эмоций от сознания и их переход в сферу подсознательно – дезорганизует и расстраивает наши физиологические защитные механизмы, из-за чего у некоторых людей эти механизмы нарушаются, становятся разрушителями здоровья, а не его защитниками» (с. 22).

На первый взгляд здесь нам предлагают вариации на тему классического психоанализа, хотя позже читателю предстоит выяс-

нить, что это не так: автор смотрит на проблему несколько шире.

Погружение в тему вполне логично выводит Матэ на два сюжета, которые в контексте его рассуждений трудно обойти вниманием: с одной стороны, это условия, провоцирующие стресс, а с другой стороны, последствия, которые он генерирует. В настоящее время, напоминая нам на страницах книги, тремя универсальными факторами стресса медики считают *неопределенность перспектив, недостаток информации и потерю контроля*. (Задумаемся на минуту: а какой из этих стимуляторов стресса в последние несколько лет обошел стороной хотя бы одного читателя этих строк? Похоже, по духу своему Матэ – действительно российский доктор, а россияне – его потенциальные пациенты.) Основываясь на собственной клинической практике, автор подтверждает, что в жизни людей с хроническими заболеваниями присутствует, как правило, весь указанный набор. При этом более пагубным для здоровья оказывается не столько острый стресс, капитально и резко выбивающий человека из колеи, сколько его хроническая разновидность, дремлющая и тихая, но ни на минуту не прекращающая грызть свою жертву изнутри. Последнее из упомянутых состояний поддерживает механизмы диссоциации на протяжении длительного времени: человек в этот период либо не видит стрессовых факторов, либо не способен их контролировать. В подобных ситуациях исключительную важность приобретает качество, называемое автором «эмоциональной компетентностью»; под ним имеется в виду «умение справляться с собственными чувствами и желаниями адекватным и удовлетворяющим образом» (с. 72).

В каждой из историй болезни, описанных в книге – а их здесь великое множество, – те или иные аспекты эмоциональной компетентности оказывались в угнетенном состоянии, о чем сам больной мог даже не

подозревать. Хотя автор не говорит об этом, на полях и от себя можно добавить, что упомянутое качество приобретает огромное значение, когда речь заходит, например, о людях, принимающих политические решения: лидер, не привыкший держать себя в руках и не чувствующий над собой ограничителей, способен наломать дров. Если же говорить об универсальных последствиях стресса, общих как для великих деятелей, так и простых смертных, то современные исследования, в том числе и проводимые на подопытных животных, свидетельствуют о том, что его биологические механизмы приоритетно влияют на три типа тканей или органов: в гормональной системе видимые изменения затрагивали надпочечники, в иммунной системе пораженными оказывались селезенка и лимфатические узлы, в пищеварительной системе задетой была оболочка кишечника. Обозначив эту трехчленную диспозицию, автор детально подкрепляет ее ссылками на собственный обширный опыт.

Местами книга канадского доктора напоминает излишне подробный медицинский справочник, особенностью которого выступает то, что буквально все более или менее известные заболевания выводятся им из различного рода стрессов. В это число попадают столь непохожие друг на друга недуги, как амиотрофический склероз, рак груди, рак легкого, воспалительные заболевания кишечника, болезнь Альцгеймера, ревматоидный артрит (список далеко не полный). Более того, на страницах книги в подтверждение изначального тезиса приводятся пространные истории больных, с которыми автор соприкасался лично. В целом же, анализируя природу базового фактора, подстегивающего все перечисленные – а также неупомянутые – болезни, автор говорит, что для взрослого человека успешное регулирование биологического стресса зависит от того, удастся ли ему поддерживать тонкий

баланс между своей встроенностью в общество, обеспечивающей безопасность, и подлинной автономией, укрепляющей личность. «Все, что нарушает этот баланс, независимо от того, осознает это человек или нет, является источником стресса», – подытоживает Матэ (с. 338). Дойдя до этого места, иной читатель, вероятно, скажет себе, что далеко не все утверждения канадского доктора звучат по-новаторски; да и можно ли – вдобавок призадумается он – вообще открыть Америку, заявляя, например, что само ощущение, будто нас кто-то любит, позитивно сказывается на здоровье? Однако, если бы выкладки канадского специалиста ограничивались только подобными банальностями, его книгу не стоило бы читать.

К счастью, в коллекции клинических случаев, которым в разбираемом труде отводятся десятки страниц, можно отыскать и кое-что еще, довольно интересное. Копаясь в ворохе собственных кейсов, Матэ выходит на вполне закономерный вопрос: если стресс действительно есть основа всех неприятностей нашей жизни, то почему же связанные с ним заболевания обнаруживаются и у тех людей, которые никогда не подвергались насилию и не получали психологических травм? Согласно авторской гипотезе, «такие люди заболевают не оттого, что им сделали что-то плохое, а потому, что им отказали в чем-то хорошем» (с. 347). Но подобное предположение естественным образом влечет за собой другую проблему: как, собственно, простое отсутствие чего-то или кого-то может вызывать соматические нарушения? Иначе говоря, во всех подобных случаях, по мнению канадского специалиста, должно наличествовать какое-то *биологическое* обоснование, которое, теоретически, можно было бы извлечь на свет.

И вот тут автор делится своей центральной гипотезой, которая в свое время привлекла внимание к его сочинениям: согласно этой догадке, стресс способен передаваться по наследству: «Главная проблема

заключается в непреднамеренной передаче стресса и тревожности от одного поколения другому» (с. 368). Зацепившись за эту предпосылку, Матэ предлагает объяснение того, почему вокруг так много реальных историй, в которых представители одной и той же семьи на протяжении многих десятилетий страдают от самых разных и, по-видимому, не связанных между собой недугов. Иначе говоря, канадский врач постепенно подводит читателя к собственному варианту разрешения той проблемы, которая на первых страницах была названа им «дихотомией душевного и телесного». Если модели поведения и сопровождающие их заболевания передаются от одного поколения к другому, то тогда – и иначе никак – преобладающее влияние на семейные и индивидуальные жизни оказывают социально-экономические факторы. Это в свою очередь рушит все здание современной психологии с присущим ей возложением ответственности за несчастья детей на их родителей – и, естественно, влечет за собой прощание с психоаналитическим каноном.

Свою теорию Матэ называет «*биопсихосоциальным* медицинским подходом». Представляя его в двух словах, можно сказать, что индивидуальная биология отражает историю человеческого организма во всей полноте его взаимодействия с окружающей средой на протяжении жизни; это непрерывающийся обмен энергией, в котором психологические и социальные факторы столь же важны, как и физиологические. А чтобы оценивать их правильно, книга рекомендует почаще обращаться к так называемому «негативному мышлению». Самопознанию многих людей, по утверждению автора, препятствует миф о том, что у них было «счастливое детство»: сказанное едва ли странно, поскольку придерживаться такого мифа нас заставляют социальные конвенции. Во многих случаях это оказывается самообманом, из-за которого человек может застрять в поведенческих моделях,

причиняющих ему вред. Негативное мышление позволяет нам распознать свои слабые стороны.

Таким образом, если подытожить, то перед нами вырисовывается следующая картина. Стресс – фатальная неизбежность, генерируемая самой тканью современной жизни. Нам, нынешним людям, от него не только некуда деться; он еще и транслируется уходящими поколениями поколениям последующим. Это в свою очередь включает его в структуру механизмов наследования и вовлекает в связанную с ними игру мутаций. В цивилизационном плане стресс предстает адаптационным приемом, который парадоксальным образом делает жизнь легче. Следовательно, по мысли автора, он просто не может и не должен выступать объектом, с которым надлежит бороться; предрасположенность к нему будет воспроизводиться снова, снова и снова, сколько ему ни противодействуй. Иначе говоря, уже недалеко то время, когда стресс просто перестанут считать аномалией. Осталось только дожить до этого – превозмогая все более множасьщиеся стрессы.

Юлия Крутицкая

A Natural History of the Future: What the Laws of Biology Tell Us about the Destiny of the Human Species

ROB DUNN

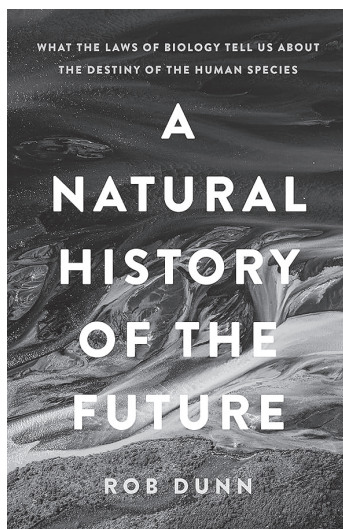
New York: Basic Books, 2021. – 288 p.

Что, собственно, произойдет с нашей планетой, если человечеству все же удастся завершить ту «работу адову», которую оно взвалило на себя в прошлом столетии, – и, подогрев планету на несколько градусов, полностью извести на ней род *Homo sapiens*? На того смельчака, который рискнул бы придать теме экологического кризиса подобный разворот, скажем, в досто-

памятные времена первых докладов Римскому клубу, тогда посмотрели бы, как на сумасшедшего. Планета Земля – и без людей? Кошунственно, *contradictio in adjecto* в чистом виде. Сегодня, увы, такой подход мало кого удивит: то, что еще два-три десятилетия назад виделось за гранью реально-го, ныне кажется вполне осуществимым. По мере того, как мягкие и терпимые сценарии климатических трансформаций выносятся за скобки, а их место последовательно занимают все более страшные опции, образ нашей планеты без людей все более и более «нормализуется» и в научном дискурсе, и в общественном сознании в целом⁶.

Рискну предположить, что это и хорошо и плохо одновременно. С последней частью этого внешне странного заявления недопониманий как бы нет, ибо человечество так или иначе успело обзавестись внушительным послужным списком, расставаться с достижениями и обречениями которого было бы невыносимо больно. Но что же тут, спрашивается, хорошего? Как ни удивительно, позитив тоже обнаруживается довольно быстро. Как известно, иногда полезно помыслить немыслимое с тем, чтобы вывести себя из прокрастинации – и что-то, наконец, *сделать*. Это литературный прием, вырывающийся за пределы литературы, что-то вроде принудительной перековки мысли в практику. Кстати, философы-инвайронменталисты уже давно и настойчиво говорят о необходимости навсегда отказаться от «тезиса о человеческой исключительности»: так, новые воззрения, по словам француза Жан-Мари Шеффера, «соотносят человечество с определенной “историей”, где оно не является исходной точкой, где его нет

оснований считать завершающей точкой и где оно, судя по всему, не в большей степени является целью, чем бесчисленные другие формы жизни – прошлые, настоящие, а возможно, и будущие»⁷. Американец Роб Данн, судя по его текстам, без колебаний подписался бы под этим заявлением.

В полном согласии с требованиями жанра автор, комплектуя свою очередную книгу – кое-какие из его сочинений, кстати, уже переведены на русский⁸, – приберегает собственный *coup de grace* напоследок. Лишь в заключительной главе он принимается рассуждать о том, что же получится, когда Земля избавится от людей. Шокируя, вероятно, кого-то из своих читателей и читательниц, он заявляет: да ничего, в общем-то, страшного не произойдет, на нашей планете останется еще уйма живности. Для печали нет оснований, просто жизнь эта будет, как бы сказать помягче, чуточку другой. Ее властителями станут организмы со-

⁶ См., в частности, нашушевую книгу: Уоллес-Уэллс Д. *Необитаемая Земля. Жизнь после глобального потепления*. М.: Individuum, 2020; а также рецензию на нее: Неприкосновенный запас. 2022. № 2(142). С. 294–299.

⁷ ШЕФФЕР Ж.-М. *Конец человеческой исключительности*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 116.

⁸ См.: Данн Р. *Дикий мир нашего тела. Хищники, паразиты и симбионты, которые сделали нас такими, какие мы есть*. М.: АСТ, 2014; Он же. *Не один дома: естественная история нашего жилища от бактерий до многоножек, тараканов и пауков*. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. Русский перевод обозреваемой здесь работы готовится к публикации в издательстве «Альпина» в 2024 году.

вершенно иного типа, чем сейчас, и в этом автор видит что-то вроде восстановления некогда нарушенной справедливости: ведь на долю бактерий и микробов действительно приходится львиная доля всей массы жизни, существующей на Земле, а мы не только не хотим воздавать ей должное, но и всячески угнетаем. Поэтому, пишет Данн, «наш конец гораздо ближе, чем конец природы», – и смешивать эти исходы между собой ни в коем случае не стоит (р. 233–234).

Человечество веками подгоняло планету под свои потребности и интересы, нисколько не церемонясь с теми видами, которые поселились на ней еще до гоминидов, и не уважая внутренних принципов ее бытия. Начинается книга с красочного описания наводнения на Миссисипи, произошедшего в 1927 году и ставшего для автора частью семейной истории, поскольку оно стерло с географических карт городок Гринвилл, где жил дедушка Данна. Та давняя катастрофа была вызвана стремлением людей сделать великую реку более удобной для использования, более *user-friendly*. Реке это не понравилось, и она отомстила, причем многократно.

«Набеги реки напоминают нам, что природа справится с любыми попытками человека игнорировать ее, сражаться с ней или властвовать над ней. Река Миссисипи в этом подобна великой реке жизни, к которой мы принадлежим. А наши попытки управлять этим водным массивом олицетворяют наше стремление господствовать не только над природой в целом, но и над самой жизнью как таковой» (р. 4).

За образом разгневанного и буйствующего водного потока, представленным во введении, видится весь мир живого, ныне возмущенный еще больше, поскольку за прошедшие с тех пор сто лет масштабы рукотворного переустройства среды человеческого обитания стали несравнимо более грандиозными.

Следуя за другими биологами, занимающимися климатом, Данн безапелляционно настаивает на прямой корреляции между глобальным потеплением, фиксируемым на Земле, и уровнем насилия, отмечаемым в человеческих сообществах. Приводимые им аргументы черпаются как из психологии бытового общения, так и из геополитических кондиций современного мира. Так, в одной из глав он рассказывает об изучении американскими психологами поведения водителей в сезон высоких температур. Уровень агрессивности последних в отношении пешеходов и друг друга повышался в унисон с ползущей вверх шкалой термометра. И если в указанном случае дело ограничивалось только громкой руганью и более продолжительным, чем обычно, ревом клаксонов, то в общемировом масштабе последствия бьющих все новые рекорды температур выглядят гораздо более серьезными. В частности, специалисты по политическим наукам уже не раз обращали внимание на то, что в регионах Африки, в настоящее время наиболее страдающих от засухи, чаще происходят социальные революции и военные перевороты. Развивая тему, автор добавляет, что горячие точки глобального насилия непропорционально часто возникают при наличии климатических характеристик двух типов:

«Это происходит, во-первых, в предельно жарких областях, где понемногу становится еще жарче, а во-вторых, в областях, где жарко и относительно сухо – то есть там, где выпадающих осадков хватает для земледелия лишь в благоприятные годы. Среди регионов первой группы – некоторые области Пакистана; среди регионов второй группы – северная Мьянма, приграничье Индии и Пакистана, отдельные области Мозамбика, Сомали, Эфиопии, Судана, Нигера, Нигерии, Мали и Буркина-Фасо» (р. 111).

Не удивительно, что названия всех перечисленных государств беспрестанно звучат в заголовках мировых новостей.

Сказанное верно и в отношении экономистов: согласно их наблюдениям, чем выше температура окружающего воздуха, тем хуже люди работают – а если у них в придачу отсутствуют кондиционированные цеха и офисы, то эту закономерность следует возводить в степень. В настоящее время температурным оптимумом для эффективной экономической деятельности считается среднегодовой показатель в 13 °С. Статистические обобщения показывают:

«Там, где среднегодовая температура находилась на оптимальном уровне или одолевала его, ее повышение стабильно влекло за собой снижение ВВП. [...] Его объем снижается из-за того, что урожаи скудны, на улице слишком жарко, чтобы работать, а мозги затуманиваются, – и это прямо или косвенно приводит к насилию» (р. 118).

Соответственно, задетые описанной тенденцией страны производят все меньше товаров и продовольствия, а их многочисленные, как правило, обитатели все активнее начинают мигрировать в зоны более благоприятного климата – зачастую к немалому неудобству тех, кто обосновался в них раньше. Иначе говоря, набирающее сегодня обороты глобальное потепление повлечет за собой миграционные катаклизмы невиданных прежде масштабов.

Интересно, что из-за набирающей силу жары мигрируют не только люди; то же самое происходит и с иными живыми существами. В итоге человеческим сообществам, тысячелетиями проживающим в умеренном климате, невольно придется – или уже приходится – соприкасаться с такими формами жизни, которые раньше никогда им не встречались. Опираясь на сценарии изменения климата, обозначаемые сегодня экспертами, автор в одной из глав конструирует образы некоторых американских городов по состоянию на 2080 год. Результаты этих мыслительных экспериментов поразительны: например, расчеты показы-

вают, что штат Флорида к этой дате неминуемо обзаведется мексиканским климатом и вопрос лишь в том, будет ли он походить на субтропическую или же на тропическую Мексику. Иначе говоря, южная часть США превратится в субтропики в том случае, если человечеству удастся следовать мягкому сценарию (в классификации ООН он обозначается как RCP4.5), согласно которому к 2050 году люди *лишь прекратят наращивать* выбросы парниковых газов и подогреют Землю всего на два градуса; а вот самыми настоящими тропиками эта территория станет в случае жесткого сценария (RCP8.5), базирующегося на *установке business-as-usual* и повышении общемировой температуры не на два, а на четыре градуса. При любом из этих вариантов в окрестностях Майами появятся ягуары и обезьяны, а самом городе заведутся многочисленные мексиканские паразиты. Правда, как уточняет автор, «на мексиканские тропики будут похожи только те части Майами, которые к тому моменту еще не окажутся под водой» (р. 98).

«Почти все или, пожалуй, вообще все экстремальные условия на Земле, сотворенные нами, соответствуют тому или иному набору условий из прошлого и, соответственно, какому-то набору видов, способных в этих условиях выживать. Поэтому любой футуристический кошмар для каких-то видов станет всего лишь описанием идеальных для них условий – особенно если у этого кошмара были аналоги в далеком прошлом» (р. 241).

Иначе говоря, будущее, похоже, принадлежит отнюдь не нам; ведь, чем больше мы подгреваем Землю, тем дальше она уходит от типовых параметров экологической ниши человека. Последняя на первый взгляд кажется очень широкой, ведь люди где только ни живут, но ее главная проблема заключается в отсутствии пластичности: за миллионы лет она практически не расширилась – несмотря на все наши техно-

логические инновации и прорывы. Следовательно, коренная реформация климатических условий скажется на людских обычнованиях самым печальным образом, если, конечно, мы вдруг не задумаемся и не начнем вести себя по-другому. Нужно научиться жить с эволюцией, соблюдая ее законы и не выводя себя за их рамки, – эту мысль американский ученый внушает читателю в каждой главе своей книги. Авторский рецепт трудно признать оригинальным, но тут действует логика повторения, словно в ламаистской молитвенной мельнице хурдэ, где бумажки с запечатленными на них мантрами, вращаясь, воспроизводят духовное усилие снова, снова и снова. Как ни странно, в целом это вселяет кое-какую надежду, пусть и не стопроцентную:

«Возможно, у нас есть еще какое-то время. *Homo sapiens* появились около двухсот тысяч лет назад. Как вид мы еще молоды. С одной стороны, исходя из этого можно предположить, что если нам предстоит жизнь средней длины, то у нас еще многое впереди. С другой стороны, угрозе вымирания больше всего подвержены именно юные виды. Подобно большеглазым несмышленным щенкам, молодые виды чаще совершают роковые ошибки» (р. 249).

Что же, как говорится, поживем – увидим.

Писать научно-популярные книги – нелегкий труд, который по силам далеко не каждому ученому, пусть даже солидному и прославленному. Роб Данн, однако, с такой задачей справился: его великолепно выполненная работа в очередной раз напоминает, что Земля появилась на свет монолитной и что она останется неделимой на части до самого своего конца. Следовательно, геополитический солипсизм, в который время от времени впадают отдельные члены мирового сообщества, воображая, будто термическая порча планеты, нанося ущерб конкурентам, окажется для них самих благом, безнадежно глуп – если не сказать больше. Да, бесспорно, климат меняется столь быст-

ро и столь зловеще, что не прельститься потенциальными корыстными следствиями этих трансформаций просто невозможно. Но, по большому счету, само наличие подобных выгод никак не отменяет грубого факта: даже если в полуфинале одни погибнут раньше других, объявить такой исход великим триумфом своих высоких идей и непоколебимых ценностей будет непросто, поскольку финал все равно, увы, объединит всех. Поэтому отрадно, что такие книжки в наши непростые дни выходят по-русски и более того – что их продолжают переводить с «недружественных» языков. Ибо в попечении о деградирующей планете неприятелей просто не может быть: в таком деле, нравится это кому или нет, все страны мира лишь союзники.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ, доцент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ

Заклятый враг: наша война со смертельными инфекциями

МАЙКЛ ОСТЕРХОЛМ, МАРК ОЛШЕЙКЕР
М.: Альпина нон-фикшн, 2022. – 438 с. – 3000 экз.

Эта книга, за несколько лет после публикации ничуть не утратившая своей актуальности, была задумана в эпидемию лихорадки Эбола, охватившей Западную Африку в 2014–2016 годах, а завершена на фоне вспышки лихорадки Зика, перекинувшейся в 2018 году с островов Тихого океана на Северную и Южную Америку. Подготовивший ее дуэт неплохо известен в сообществе специалистов-эпидемиологов, хотя по профилю своей деятельности авторы не похожи друг на друга. Если Майкл Остерхолм – академическая персона, профессор Миннесотского университета, непосредственно работавший в очагах нескольких нашумевших инфекций, то Марк Олшейкер – человек скорее искусства, режиссер-документалист и лауреат премии «Эмми», написавший пять романов и десять научно-популярных книг. Объединил их интерес к современным эпидемиям: оба, каждый под своим углом зрения, писали об эпидемии SARS (2002), волне гриппа H1N1 (2009), вспышке MERS (2012). Когда авторы обновляли предисловие к изданию 2020 года, мир столкнулся с пандемией COVID-19, подтолкнувшей их к размышлениям над тем, есть ли у всех этих свежих напастей что-то общее и что их совокупность сулит нам в дальнейшем. Причем, пытаясь ответить на эти вопросы, они вынужденно отталкиваются от довольно тревожных предпосылок, на сегодня вполне очевидных: во-первых, каждая новая эпидемия на порядки серьезнее предыдущих; во-вторых, антибиотики неуклонно теряют свою действенность; в-третьих, акты биотерроризма совершаются все чаще. Но самое страшное, по их мнению, состоит в том, что человечество хронически не готово адекватно реагировать на очередную микробную угрозу, поскольку социальным общностям не хватает инвестиций, уверенного руководства, общественной воли и других ресурсов – включая медикаменты.

Модельным кейсом, открывающим повествование, выбрана эпидемия СПИДа, по ко-

торой имеется всеобъемлющая статистика, позволяющая делать обобщения. В 2014 году в мире насчитывались около 37 миллионов ВИЧ-инфицированных, проживавших в основном в странах черной Африки; при этом ежегодно регистрируются примерно 2 миллиона новых случаев заболевания и 1,2 миллиона смертей. Поскольку число новых больных стабильно превышает число умерших, общее количество людей, живущих с ВИЧ, возрастает, причем 60% из инфицированных не получают необходимой профилактической терапии. Тем не менее, утверждается в книге, приведенные цифры не позволяют говорить о глобальной «эпидемии СПИДа». Бесспорно, ВИЧ-инфекция все еще представляет собой катастрофу для системы здравоохранения, особенно в бедных странах, но это «всего лишь», если можно так выразиться, гиперэндемия. Однако, по мнению авторов, СПИД служит мрачным предупреждением о том, как нам придется взаимодействовать с болезнями будущего.

Отсюда специалисты выводят главную, по их мнению, задачу текущего момента: медикам жизненно необходимо убедить мировых лидеров, руководителей корпораций, благотворительные организации и представителей СМИ в том, что вероятность пандемий и региональных эпидемий в последующие годы будет только нарастать, а «игнорирование этих угроз до последнего не стратегия» (с. 50). В свете сказанного авторы формулируют и две цели, которые стоят перед эпидемиологами. Первая, как и следовало ожидать, сводится к предотвращению эпидемий. Если же это оказывается невозможным, то происходит переориентация на вторую: на сведение к минимуму массовой заболеваемости и длительной нетрудоспособности, вызываемых очередной инфекцией. Современная эпидемиология, которую в книге называют «командным видом спорта» (с. 74), опирается на сплоченные группы специалистов,

обеспечивающих не только достижение конечного результата, но также наблюдение, по-прежнему остающееся основополагающим инструментом эпидемиологии. Кстати, преодоление «принципа одиночки», на котором работа микробиологов строилась раньше, уже повлекло за собой фундаментальный сдвиг: в настоящее время ученые в силах останавливать инфекционные заболевания и ограничивать их последствия, даже не располагая исчерпывающими знаниями о них. Причем эффективными порой оказываются самые простые ресурсы, включая обыкновенные включенные наблюдения. Так, в первые дни вспышки лихорадки Зика в 2015–2016 годах авторов не раз раздражали заявления ученых и журналистов – большинство из таковых никогда не участвовали в практическом исследовании эпидемий и не побывали в их эпицентрах, – о том, будто у ученых нет доказательств того, что вирус Зика вызывает микроцефалию и некоторые другие побочные последствия, а значит, все противоэпидемические рекомендации органов здравоохранения опираются на шаткую базу. Однако, как пишет Остерхолм, его собственный опыт позволял считать эмпирически полученные доказательства «достаточными и убедительными», а любую задержку реагирования «безответственной и неоправданной» (с. 79). Авторы настаивают, что, имея дело с внезапной вспышкой серьезного заболевания загадочного происхождения или неясного масштаба, исследователи просто вынуждены «придумывать все на ходу», принимая решения *ad hoc*. И это не должно смущать ни медиков, ни больших, ибо такова сама природа эпидемиологического исследования.

Между тем, характеризуя подготовку человечества к инфекционным заболеваниям в XXI веке, авторы говорят о длинной веренице возможностей, которые одна за другой либо игнорировались, либо упускались. Такое положение вещей никак не соот-

ветствует опасности, с которой приходится иметь дело. В авторской логике только четыре события способны оказать негативное влияние на всю планету: в этом ряду тотальная термоядерная война, столкновение с астероидом, глобальное изменение климата и общемировая инфекция. «Из всех четырех событий, – утверждает в книге, – в XXI веке инфекционные заболевания обладают наибольшим потенциалом, чтобы привести к внезапному кризису во всем мире одновременно – к пандемии, или всемирной эпидемии» (с. 85). Поражая множество регионов сразу, пандемия блокирует оказание экстренной помощи пострадавшим; именно поэтому она гораздо больше похожа на войну, чем любая другая природная катастрофа. Причем вспышка может стать ужасающей даже в том случае, если она не выплескивается за пределы конкретного региона; такие инциденты авторы именуют «вспышками исключительной региональной значимости» – и как раз к ним относят распространение в 2003 году вируса SARS, появившегося в Гонконге и потом перенесенного авиапассажирами в Торонто (с. 87).

Поскольку борцы с инфекциями не могут заниматься всем подряд, авторы намечают для них четыре приоритета, которые влекут за собой несколько отдельных, но взаимосвязанных направлений деятельности, в совокупности именуемых ими «антикризисной программой». Первый приоритет отдается непосредственной борьбе с патогенами, обладающими пандемическим потенциалом. Второй приоритет требует предотвращения чреватых серьезными последствиями региональных вспышек, подобных лихорадке Эбола и коронавирусным инфекциям. Третьим приоритетом оказывается недопущение использования микроорганизмов для нанесения умышленного вреда или случайной утечки усовершенствованного учеными микроба. Наконец, четвертым приоритетом выступает

профилактика эндемических заболеваний, которые продолжают влиять на человеческое здоровье во всем мире, особенно в развивающихся государствах. В число последних входят малярия, туберкулез, диарейные заболевания и СПИД, которые, несмотря на достигнутый прогресс, вполне можно отнести к разряду медленно распространяющихся пандемий.

Как отмечается в книге, принципиально важным остается умение специалистов определять, какие из микроорганизмов, вызывающих инфекционные заболевания, способны быстро мутировать или менять свои генетические коды. Иногда такие изменения делают микроб менее опасным, но иногда, напротив, более страшным, и в этом смысле каждый переход между людскими поколениями оказывается не чем иным, как «генетическим жребием» (с. 99). Образно выражаясь, генетическая простота микробов и вытекающая из нее быстрая эволюция бросают вызов нашему изобретательному интеллекту и социально-политической воле. «Пересилить патогенные микроорганизмы мы не сможем: на их стороне огромное превосходство по численности и маневренности, – пишут авторы. – Наше выживание зависит от того, сумеем ли мы их перехитрить» (с. 101). Дело усугубляется тем, что человеческие успехи в совершенствовании современного мира, ускорении его экономического развития и улучшении качества жизни в нем сделали нас более уязвимыми перед инфекционными заболеваниями по сравнению с людьми, столкнувшимися в 1918 году с «испанкой». Вывод из этого, предлагаемый в книге, вполне ожидаем: «Борьба с инфекционными заболеваниями в самом прямом смысле относится к вопросам национальной безопасности», причем сказанное касается всех стран мира без исключений (с. 112).

В настоящее время общепризнанным считается тот факт, что наиболее видную роль в распространении конкретных забо-

леванй играет наша способность просто вдыхать вредоносный микроб. Именно на этом основывается нынешнее доминирование гриппа, сезонного и пандемического. Оба типа убивают, один больше, другой меньше. (В книге указывается, что в новейшей истории были годы, когда сезонный грипп уносил жизни почти 50 тысяч американцев.) Что касается пандемического гриппа, то он сначала возникает из-за мутаций в животных сообществах, а потом «научается» передаваться от человека к человеку. Остатки штаммов, некогда вызвавших пандемию, позже провоцируют сезонный грипп. Рассуждая об инфекциях, передаваемых воздушно-капельным путем, авторы заявляют, что здесь наиболее мощным и эффективным оружием здравоохранения наряду с профилактическими мерами остаются вакцины. Однако, несмотря на их впечатляющие успехи – к таковым, в частности, можно отнести почти полное отсутствие оспы в передовых странах на протяжении полувека, если не больше, – будущее вакцинирования отнюдь не безоблачно. Разработке все более действенных вакцин препятствуют самоуспокоенность, антипрививочники, экономические катаклизмы.

С гриппом, впрочем, конкурируют и другие заболевания. Среди «старых» инфекционных недугов, которые особенно интересуют авторов, выделяются три: это малярия, СПИД и туберкулез. Борьба с ними ярко демонстрирует как возможности, так и ограничения, сопутствующие нашей борьбе с инфекциями. Малярия, например, распространена примерно в ста странах, при этом около 90% ее летальных случаев приходится на тропическую Африку. Несмотря на впечатляющий охват, согласно представленной в книге статистике, с 2004-го по 2016 год число заболеваний снизилось примерно на 25%, а смертность – на 42%; во многом это объясняется эффективной работой Фонда Билла и Мелинды Гейтс,

а также других благотворительных организаций, увеличивших расходы на борьбу с малярией почти в десять раз, что позволило сегодня параллельно разрабатывать более тридцати противомаларийных вакцин (с. 149). Что касается СПИДа и туберкулеза, то с ними ситуация не столь радужна, хотя определенные успехи достигнуты по обеим позициям: войну против СПИДа, как считают авторы, можно выиграть и без вакцин, а туберкулез остается излечимым при надлежащем уходе – с учетом грустной оговорки, согласно которой в случае появления в будущем более устойчивых к антибиотикам штаммов успех лечения не сможет гарантировать даже высокотехнологичная медицина (с. 161).

Отдельная глава книги посвящена лихорадке Эбола, которая, в отличие от выше перечисленных болезней, не всегда учитывается в матрицах потенциальных угроз. Информация о ней распространяется плохо, причем не только в наиболее страдающей от этой инфекции Западной Африке, но и в развитых странах, граждане которых, подобно африканцам, зачастую боятся контактировать с людьми, недавно вернувшимися с Африканского континента. Мифология вируса Эбола напрочь затушевывает тот факт, что основной канал его передачи очень узок: он ограничен жидкими выделениями из организма инфицированного – то есть по-настоящему опасны лишь манипуляции с телами умерших и уход за больными.

«Мы можем устранить угрозу широкомаштабной эпидемии Эболы даже в том случае, если вирус мутирует и начнет передаваться воздушно-капельным путем. Вопрос в том, есть ли у нас коллективное видение, руководство и финансовая поддержка для выполнения этой задачи» (с. 223).

Оговорка, однако, более чем серьезная.

Причудливость возникновения современных эпидемий ярко иллюстрируется приме-

рами коронавирусных инфекций SARS и MERS, которым, как и следовало ожидать, в книге отводится особое место. Первая из них в 2003 году была классифицирована в качестве ранее неизвестного коронавируса; как предполагалось, циветты и барсуки, обитающие в китайской провинции Гуандун и продающиеся на местных рынках, могли заразиться этим вирусом от летучих мышей. Позже эта гипотеза получила экспериментальное подтверждение; более того, китайские и тайваньские летучие мыши, как выяснилось, и сегодня остаются носителями коронавируса, генетически почти идентичного возбудителю SARS-CoV, – а это значит, что они в любой момент могут передать его какому-то виду животных, близко контактирующему с человеком. Поэтому «нельзя допускать и мысли, что вирусу SARS-CoV уже написан некролог» (с. 234).

Летучие мыши отметились и в возникновении MERS, обнаруженного в 2012 году в Иордании. Как и в ситуации с SARS-CoV, рукокрылые передали вирус одомашненному животному, в роли которых на сей раз выступили одногорбые верблюды. Ученые предполагают, что дромадеры заразились, поедая упавший на землю инжир, надкусанный инфицированными летучими мышами. Как и в китайском варианте, зараженные особи распространяли инфекцию среди других животных, а также среди людей. Имеется, однако, одна принципиальная особенность, которая делает вирус MERS гораздо опаснее вируса SARS: первый прочно закрепился в популяции верблюдов по всему Ближнему Востоку, и поэтому для его распространения летучие мыши больше не нужны. Это в свою очередь означает, что, во-первых, следующая вспышка MERS едва ли ограничится каким-то одним регионом, как раньше, и, во-вторых, сдержать ее будет очень трудно. Особенно угрожающим выглядит проникновение болезни в тропическую Африку, где общественного здравооох-

ранения практически нет. «У нас еще есть возможность предпринять решительные действия, но это окно не будет открыто вечно», – резюмируют авторы (с. 244).

Наконец, в работе нашлось место и для болезней, распространяемых комарами. Именно эти насекомые обеспечивают нынешний общемировой подъем желтой лихорадки, а также лихорадок денге, чикунгуны и Зика. Комары требуют особого подхода; с ними невозможно справиться, не разработав комплексных программ, нацеленных на ликвидацию мест их размножения и адаптированных под условия конкретных стран. Нынешние же успехи в этом деле следует признать в лучшем случае относительными: в настоящее время не хватает усовершенствованных средств борьбы со взрослыми комариными особями, новых эффективных пестицидов, технологий генетической модификации комаров, а также вакцин против распространяемых ими лихорадок (с. 276). В связи с этим книга предлагает готовиться к утомительной «окопной войне» с комариными угрозами – вдобавок, конечно же, к прочим напастям, мучающим человечество.

Все упомянутые выше проблемы усугубляются, как ни парадоксально, упрочением технологического могущества человека. На протяжении последних восьмидесяти лет люди глубоко и всесторонне меняют микробиом, возраст которого составляет три миллиарда лет. Тем самым стимулируется «супермикробная эволюция», по мере развития которой «мы утрачиваем часть нашего антибиотического потенциала» (с. 295). Какими окажутся результаты снижающейся резистентности к антибиотикам, можно представить уже сейчас. Прежде всего возрастет число людей, погибающих от микробов, которых в течение последних семидесяти лет удавалось медикаментозно сдерживать. Далее, без эффективных и нетоксичных антибиотиков, способных держать инфекцию под контролем, любое

хирургическое вмешательство станет опасным: очень сложно будет проводить операции на открытом сердце, пересадку органов и замену суставов, а кесарево сечение превратится в гораздо более рискованную процедуру. В больницы придется обращаться только при самой крайней необходимости, поскольку в них будут кишеть микробы. Наконец, вновь откроются туберкулезные санатории. Кроме того, авторы считают, что резистентность к антибиотикам непосильным бременем ляжет на малоимущее население земного шара, поскольку новые, более передовые антибиотики станут гораздо дороже нынешних.

Избежать мрачного будущего удастся лишь в случае комплексного реагирования на грядущую угрозу. Для этого требуется: 1) усилить профилактику инфекций, требующих лечения антибиотиками; 2) поддерживать эффективность имеющихся антибиотиков; 3) разрабатывать новые антибиотики; 4) искать оригинальные решения, снимающие часть нагрузки с антибиотиков. В целом же, по мнению авторов, «нужна международная просветительская программа по сохранению антибиотиков, не уступающая той, что десятилетиями проводится в США в рамках кампании по борьбе с курением» (с. 326).

Финал книги, как и следовало ожидать, риторичен. Авторы пишут:

«Проявив коллективную волю и выделив необходимые ресурсы, мы дадим гораздо большему количеству людей во всем мире, особенно нашим детям и внукам, шанс жить нормальной, счастливой и продуктивной жизнью. И сможем отказаться от бесчисленных плохих смертей в пользу хороших» (с. 415).

Понятно, что сказанное звучит довольно декларативно, но можно ли было ожидать чего-то другого? Давайте будем снисходительными: авторы и без того изрядно постарались, представив читателям гнетущую

панораму отложенных неприятностей, конца которым пока не видно. Удивляться остается лишь тому, что даже в тени нависшего над человечеством опаснейшего и многоликого врага люди по-прежнему

умудряются воевать, преследовать думающих по-другому и выбирать трикстеров лидерами своих государств.

Юлия Крутицкая